

1 ИЮНЯ, УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ
ДРУЦЭ И. П. *Лит. газ. - 1989 - Июнь (№23)*
(Дрокиевский национально-территориальный избирательный округ, Молдавская ССР) *С. 4*

Уважаемый товарищ президент! Уважаемые коллеги депутаты! Я хотел бы начать с того, чтобы заявить протест днепропетровскому депутату, который претендовал с этой трибуны, что он является представителем «родины застоя». Весь мир знает, что это совершенно не так. Все знают, что застой расправил свои крылья на молдавских холмах. (Оживление в зале).

Правда, нужно сказать, что прославились мы совершенно неожиданно-негаданно. Дело в том, что уже в престарелом возрасте и будучи совершенно больным, Иосиф Виссарионович написал на клочке бумаги: «Надо срочно помочь молдавским товарищам в укреплении руководящих кадров». Этот клочок бумаги лег в соответствующую папку по назначению руководящих кадров, папку, которую, надо сказать, мало кто из смертных людей может похвастаться, что видел своими глазами. И вот назначили Леонида Ильича Брежнева в Кишинев первым секретарем, и дальше пошли цепочки назначений: Щелоков, Черненко, Трапезников. Чем все это кончилось, вы все прекрасно знаете.

Мы похоронили, погоревали, конечно, поминули тихим словом, как говорится, и думали, что дело кончилось. Но вдруг, уже во времена перестройки, несколько лет тому назад, все копаясь в той папочке, обнаружили тот клочок бумаги, в котором было написано, что надо помочь молдавским товарищам в укреплении руководящих кадров. И направили к нам товарища Смирнова вторым секретарем ЦК партии Молдавии. Ну что же делать? Москва есть Москва. Ей, как говорится, виднее, и у нее гигантский горизонт. Летели головы, все трещало, речи лились одна за другой. Что ж, переживам и это. Но вот в печати объявляют на весь мир, что второй секретарь ЦК партии Молдавии, оказывается, совершил тягчайшие преступления и его нужно лишить всех полномочий и арестовать. И снова Молдавия славится на весь мир. Все нас оглядывают — слушайте, что вы там делаете? И действительно, чем вы там занимаетесь? Проходит какое-то время, новые сообщения в «Президиуме Верховного Совета СССР». Оказывается, товарищ Смирнов ни в чем не был виноват, это было большой ошибкой, и снова наша Молдавия славится на весь мир. Ни в чем человек не был виноват, а они, поди ж ты, в Кишиневе копали под него, пока не закопали. Я хочу попросить руководство нашей страны и Михаила Сергеевича написать на том клочке бумаги — выполнено. И никого не посылать к нам больше в Кишинев на укрепление руководящих кадров. За годы Советской власти выросли мы, Михаил Сергеевич, есть у нас достойные молодые люди, и, в общем, как-нибудь, я думаю, мы справимся. (Аплодисменты).

Вторая проблема. Мы хотим попросить Москву помочь нам освободиться от застоя. Конечно, вы можете сказать, что это ваше дело. Но этот груз мы не знаем с какого конца взять, а если правду сказать, то и тары у нас такой нет, чтобы переправить все это в Москву.

Теперь, если перейти к вопросу, много раз тут обсуждавшемуся, по процедурам. Вот голосование много раз обсуждалось. Дорогие товарищи, я вам хочу сказать, что мне все-таки стыдно, когда президент первой страны мира, вылетевшей в космос, из президиума считает, сколько было «за», сколько «против», сколько «воздержавшихся». Это недостойно нашей великой страны. Но это только часть вопроса.

Вторая часть вопроса, заключается в том, что мы все-таки стоим перед государственно-партийным аппаратом, который очень хорошо нами управляет и который подумал так — надо каким-то образом стеснить волеизъявления депутатов. Что и говорить, среди нас есть много людей, занимающих большие государственные посты. Рядом с ними сидят люди из того же региона. Они волюно или невольно должны думать о том, как они проголосуют. Сосед видит. Кроме того, есть, как говорится, давление массы. У всех есть периферийное зрение, смотришь, сколько рук поднялось, соображаешь, поднять тебе руку или нет. Говорят, что для обеспечения индивидуального голосования нам нужен год. Я хочу обратиться к нашим техникам, инженерам, ученым и попросить их: дорогие товарищи, придумайте нам способ, чтобы мы уже к концу этого Съезда могли бы индивидуальным образом проголосовать по всем животрепещущим проблемам нашего государства.

Долго у нас обсуждается статус. Мы уже который день заседаем, но так практически и не знаем статуса ни нашего личного, ни статуса нашего Съезда народных депутатов. По правде говоря, я даже не уверен, имеем ли мы право объявить «наряд вне очереди» генералу Родионову. И вот, если вернуться вскользь (а мы в любом случае будем возвращаться) к тбилисской проблеме, мне кажется, что нам хорошо было бы послушать хотя бы вкратце и министра обороны. И, чего греха таить, мне хотелось бы спросить и президента нашего, председателя Комитета обороны.

Дорогой Михаил Сергеевич, у вас в докладе написано, что начинается период разоружения, что многие острые политические проблемы мы должны разрешить мирными средствами. Но это, как говорится, наши внешние дела. А что же во внутренних делах? Разве мы не в состоянии сегодня разрешить мирными средствами конфликты, которые возникают внутри нашей страны? Что же, мы так всю жизнь и будем вырабатывать две политики: одну, как говорится, для Запада, другую политику — для внутреннего потребления? Я думаю, что если власти того или иного региона, области, республики или города оказываются не в состоянии управлять массой,

не менее, чем пострадали наши национальные языки. Каждый культурный человек знает, что между русским языком Чехова и Толстого и нынешним русским языком газеты «Правда» или другой любой нашей газеты приблизительно такая же разница, как между рублем царской чеканки и нынешним нашим бумажным рублем.

И вот деградировавшая часть этого языка плюс бытовая похабщина и ругательства хлынули в языковую стихию наших республик, и образовалось то, что белорусы остроумно называли «трасянка», то есть смесь сена и соломой. Это именно то, на чем мы и разговариваем почти во всех республиках — и в Белоруссии, и в Молдавии, и в Прибалтике.

Почему это нас взволновало? Много народов прошло через земной шар и погибли, не оставив следов. О причинах их гибели много написано. В Ветхом завете по этому поводу сказано: в языке жизнь и смерть. Древние иудеи установили, что самым слабым, больным и деликатным местом любого народа является его язык, то есть тот мостик, от которого наше земное начало переходит в духовное. И, конечно же, наша забота о языке диктуется прежде всего тем, что живое никак не может смириться со своей смертью. Не может смириться со смертью живой организм. И живая нация тоже не может смириться перед лицом деградации своего языка. Мы благодарны тому, что центр как-то понял эту нашу заботу: во многих республиках уже язык коренной национальности объявлен государственным языком, в других тоже должен вот-вот утвердиться в этом качестве. Правда, возникает одна деликатная проблема, о которой вчера здесь говорил депутат Олейник из Украины, — о двуязычии.

Действительно, для спасения национальных языков нам надо употребить государственный механизм. Сегодня другое средство не может. А объявление обоих языков равно государственными — это означает «привет вашей бабушке». Это означает — на «трасянке» говорить, на «трасянке» и будет говорить. (Аплодисменты).

Кроме того, я думаю, что великий русский язык, а я считаю его вторым своим родным языком после молдавского, он двигался и движется по всемоу земному шару на своих собственных авторитетах, своим собственным полетом и вряд ли

эмоциями, проблемами своего населения, они, конечно, должны подать в отставку и на их место должны прийти те люди, которые будут в состоянии найти общий язык со своим населением.

В связи с этим я вношу на ваше рассмотрение проект декрета о неприменении силы против своих граждан, в котором написано: запретить в дальнейшем применение военной силы, имея в виду регулярные воинские части, а также спецотряды внутренних войск, обязав местные власти решить все проблемы политическими средствами. (Аплодисменты).

Но вернемся опять-таки к делам днепропетровско-молдавским. Что такое застой? Мы против него который год боремся и никак не можем выяснить, что такое застой. С моей точки зрения, застой есть разложение страны путем отбора и утверждения кадров по отрицательному принципу в том смысле, что чем человек менее достоин своей должности, тем прочнее он ввинтится в свое кресло и тем освободит его ни при каких обстоятельствах. (Аплодисменты).

Который год мы разгадываем шарады. Предположим, освободилось место министра культуры. Страна у нас культурная, читающих много, все гадают: слушай, ну кто же будет? Есть один вариант, другой вариант, третий вариант, ничего не проходит, полгода нет министра. Ну, мы приехали, в конце концов замминистра тоже неплохой. И вдруг после большого футбола, когда все обо всем забыли, маленькая информация «В Президиуме Верховного Совета». Товарищ Пиллюкин назначается министром культуры СССР. А потом выясняется через полгода, что товарищ Пиллюкин очень славный человек, но он плохо отличается драматический театр от оперного, и мы поставлены в такие условия, что культура гигантской страны пытается помочь ему, чтобы он уяснил себе место, куда его назначили. Увы, среди них бываю великодушные ученики. Все помнят покойную Екатерину Алексеевну Фурцеву, которая тоже не особенно отличала оперу от драмы, но потом стала на защиту нашей культуры и была прекрасным вообще деятелем в этой области. Но это не должно стать системой. Или, предположим, освобождается место министра водного хозяйства и мелиорации. Все прекрасно понимают, что водные проблемы — это самые острые и на юге, и в центре России, и для всех городов. Нет. Не назначается. Долго его нет. Потом вдруг выищут среди выпускников Высшей партийной школы одного, у которого водянка. И вот его-то непременно назначают министром водного хозяйства. (Аплодисменты).

Начинаются длиннейшие годовые дискуссии. Цвет нашей страны дискутирует с ним по водным вопросам, а ему, бедному, эта вода — вот где сидит.

Я хочу сказать, что если Съезд народных депутатов не образует специальную комиссию по подбору, расстановке и утверждению руководящих кадров нашей страны, то грош нам цена, и мы напрасно здесь собрались. Потому что опять же будем распутывать каждое утро те же самые шарады и вдруг выясним, что посол Берега Слоновой Кости назначен по совместительству послом в Париже. И будем сидеть и думать, чем это вызвано.

Возвращаясь опять-таки к больной теме о Тбилиси. Конечно, мы создали комиссию. Я должен сказать, что это большая опасность, что мы все время создаем комиссии. Чуть что, как заклинание — комиссию, чуть что — опять комиссию. Товарищи, а много ли решила черномыльская комиссия? Не остались ли те же язы, которые были, и после образования этой высокой комиссии? Главная, с моей точки зрения, проблема Тбилиси заключается в следующем: мы должны решить с вами — этого никакая комиссия не решит, — что произошло в Тбилиси. Что там было? Был ли это бунт окраины большого государства, и тогда его действительно надо было привести в повиновение. Или это был праздник национального возрождения? И тогда ни с саперными лопатками, ни с газовыми баллончиками против этого идти нельзя.

Лично я считаю, и Михаил Сергеевич, выступая в Киеве, сказал, что это явление — национальное возрождение. Нам надо выработать свое окончательное отношение к этому, потому что страна бурлит, нас все смотрят и слушают. Приблизительно такие же ситуации были в Риге, Кишиневе, Львове, Киеве и т. д. Не забывайте, что у нас есть много республик, не забывайте, что у нас есть много военных округов. Помимо Закавказского, у нас есть еще и Одесский военный округ, и Прикарпатский, и Прибалтийский военные округа, и не дай бог, чтобы на следующих наших сессиях нам приходилось слушать с этой трибуны объяснения командующих округами по поводу того, что произошло в Риге, Вильнюсе, Киеве, Кишиневе, Львове и т. д. (Аплодисменты). Именно для этого, не аннулирую созданную комиссию, я вас приглашаю вернуться еще раз, чтобы выработать свое отношение к тому, что произошло в Тбилиси — бунт или праздник национального возрождения.

Теперь по поводу языка. Это именно то, что волнует сегодня почти все наши национальные республики. Надо сказать, что русскоязычное население довольно нервозно воспринимает наши заботы о языке, будь то в Прибалтике, будь то в Молдавии или в других регионах. Все спрашивают: с чего это началось? Я хочу сказать, что это все началось, как сказал вчера митрополит Алексей в своем прекрасном, с моей точки зрения, выступлении, с духовного обнищания. Я бы сказал — с духовной деградации. Причем она коснулась не только наших республик, она коснулась в равной степени и России. Русский язык пострадал

что добавит русскому языку, если в каждой из 14 наших республик ему будет придан статус государственного.

В заключение я хочу сказать, что мы, депутаты, которые прошли прямые выборы, причем очень сложные; должны сообщить нашим друзьям депутатам, которые были выбраны от государственных учреждений, что мы, хотя и в приличных костюмчиках стоим перед вами, мы все, дорогие друзья, в шрамах и ранах. Мы были очень тяжелые «бои», причем бои не с местным населением, нет. Как раз именно благодаря его поддержке мы и находимся сегодня в этом зале. Воевали мы с аппаратом. (Аплодисменты).

И ради бога не думайте, что аппарат — это несколько государственных деятелей, которые разъезжают на «Чайках». Это, конечно, тоже аппарат. Но аппарат — и тот бригадир из далекой деревеньки, и парторг, и тот, не знаю какую функцию он выполняет, но который держит в своих руках всю эту массу народа и перед которым народ трепещет. Сегодня, когда мы с вами тут встречаемся, он, этот аппарат, распространяет по всей стране, что результат выборов объясняется употреблением избыточного количества нитратов в овощах и ранней весной, солнечной весной, которая вызвала целый разгул генетического аппарата. И в связи с этой дурью, понимаете, народ как бы вышел из повиновения и выбрал нас с вами депутатами. Да, я заканчиваю...

И сегодня наш избиратель стоит перед этими местными властями и просит то ли молоко, то ли что ему нужно по хозяйству, а ему говорят: ты за кого, дурья твоя голова, голосовал? Вот к нему и иди, пусть он тебе даст. (Аплодисменты).

Я считаю, что если мы воистину являемся представителями народа и высшей властью, то мы, разумеется, должны взять этот простой народ под свою защиту.

И, наконец, две силы, образовавшиеся этой весной, — разбуженный народ в лице Съезда народных депутатов, и партийно-государственный аппарат. Я заканчиваю...

Я думаю, что перед Михаилом Сергеевичем стоит нелегкая задача выбрать одно из двух: или то, или другое. Я глубоко уважаю Михаила Сергеевича, люблю и надеюсь, что он встанет рядом с детищем своей жизни — перестройкой. (Аплодисменты).